

Дик Фрэнсис
ПЕРЕЛОМ

Иностранная литература. Классика детектива

Дик Фрэнсис

Перелом

«Азбука-Аттикус»

1971

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фрэнсис Д.

Перелом / Д. Фрэнсис — «Азбука-Аттикус»,
1971 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-21817-8

Дик Фрэнсис (1920-2010) — один из самых именитых английских авторов, писавших в жанре детектива. За свою жизнь он создал более 30 бестселлеров, получивших международное признание. Его романы посвящены преимущественно миру скачек — Фрэнсис знал его не понаслышке, ведь он родился в семье жокея и сам был знаменитым жокеем. Этот мир полон азарта, здесь кипят нешуточные страсти вокруг великолепных лошадей и крупных ставок в тотализаторах, здесь есть чем поживиться мошенникам. Все началось с того, что неизвестные гангстеры под угрозой смерти заставили Нейла Гриффона, тренера одной из скаковых конюшен, участвовать в их махинациях. Однако Нейл вовсе не собирается покорно наблюдать за происходящим. Он начинает тайную борьбу со своими новыми хозяевами.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21817-8

© Фрэнсис Д., 1971
© Азбука-Аттикус, 1971

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дик Фрэнсис Перелом

BONECRACK

Copyright © 1971 by Dick Francis

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Игоря Куберского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© И. Ю. Куберский, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

На обоих были тонкие резиновые маски.

Одинаковые.

Я смотрел на два одинаково безликих лица с холодком изумления. Я ведь не из тех, кому люди в резиновых масках наносят непонятные визиты за двадцать минут до полуночи. Тридцатичетырехлетний здравомыслящий деловой человек, я преспокойно приводил в порядок бухгалтерские книги для конюшни моего отца в Ньюмаркете.

Луч света от настольной лампы падал прямо на меня и на мою работу, и два бледных резиновых лица на фоне почти черных панелей в притемненном помещении походили на враждебные луны, приближающиеся к солнцу. Когда шелкнул дверной замок, я поднял глаза, и две эти смутно различимые фигуры, без проблем проникшие из мягко освещенного холла, мелькнули у раскрытой двери, а затем почти растворились на фоне темных стен. Без шороха и стука они двигались по натертому до глянца паркету. За исключением своих нечеловеческих лиц, они с головы до ног были во всем черном.

Я снял телефонную трубку, дабы набрать три девятки.

Один из гостей, опередив меня, взмахнул рукой и ударил по телефону. Почти справившись со второй девяткой, я успел убрать палец, но о том, чтобы набрать третью, не могло быть и речи. Рука в черной перчатке медленно высвободила тяжелую полицейскую дубинку из бранных останков имущества ведомства связи.

– Здесь нечего красть, – заметил я.

Второй подошел к столу. Он стоял напротив, глядя сверху вниз на меня, еще продолжающего сидеть. Он достал автоматический пистолет без глушителя и без колебаний направил его мне в переносицу. Я даже мог различить внутренность ствола.

– Ты! – сказал он. – Пойдешь с нами.

Его голос прозвучал намеренно монотонно, без интонации. Акцента не слышалось, но это был не англичанин.

– С какой стати?

– Пошли.

– Куда? – спросил я.

– Пошли.

– Никуда я не пойду, – вежливо сказал я, протянул руку и нажал на выключатель настольной лампы.

Внезапная кромешная тьма дала мне двухсекундный приоритет. Я использовал его, чтобы вскочить, схватить настольную лампу и отправить ее тяжелым основанием в направлении говорившего.

За глухим ударом последовало проклятие. Травма, подумал я, но не нокаут.

Помня о дубинке слева, я выскользнул из-за стола и бросился к двери. Но желающие достать меня в темноте тоже не теряли времени даром. Владелец дубинки зажег фонарик и луч света, метнувшись, нашел и ослепил меня.

Я прыгнул в сторону, увернувшись от нападавшего и потеряв при этом направление к двери, и увидел сбоку целенаправленно приближающуюся резиновую физиономию, которую я ударил лампой.

Луч фонарика, мигнув, описал короткий круг и застыл как вкопанный на выключателе возле двери. Опередив меня, рука в черной перчатке мазнула по нему и включила пять двойных настенных бра – то бишь десять голых лампочек-свечей, холодно осветивших квадратную комнату, обшитую деревянными панелями.

В комнате было два окна с зелеными до пола шторами. Один ковер из Стамбула. Три разномастных стула в старинном стиле Уильям и Мэри¹. Один дубовый сундук шестнадцатого века. Один письменный стол орехового дерева. Больше ничего. Аскетичное местечко, отражение аскетичной и спартанской натуры моего отца.

Я всегда считал, что противодействовать похищению лучше всего в самом начале. Что простое подчинение приказу следовать за похитителями может избавить от сиюминутной головной боли, но не от тяжелых последствий. Позже тебя могут убить, но не сейчас, в самом начале, и потому глупо не рискнуть и сдаться без боя.

Что ж, я и не сдавался.

Я не сдавался еще целых девяносто секунд, в течение которых мне не удалось ни выключить свет, ни выскочить в дверь, ни выпрыгнуть в окно. У меня были лишь руки и не так уж много навыков против дубинки и перспективы схлопотать пулю. Одинаковые резиновые физиономии с пугающим отсутствием человеческого выражения надвинулись на меня, и хотя я попытался, возможно зря, сорвать одну из масок, мои пальцы всего и только скользнули по ее тугой гладкой поверхности.

Мои гости предпочитали ближний бой с прижатой к стене жертвой. Поскольку их было двое, и они оказались экспертами в своем деле, за эти бесконечные девяносто секунд я получил такие побои, что искренне пожалел о решении применить на практике свои взгляды насчет того, как избежать похищения.

Все закончилось ударом кулака мне в живот, ствол пистолета уперся мне в лицо, я ударился головой о панель, а дубинка поставила в схватке окончательную точку где-то за моим правым ухом. Когда я снова стал что-то соображать, оказалось, что прошло немало времени. В противном случае я бы не лежал лицом вниз со связанными за спиной руками на заднем сиденье движущейся машины.

Довольно долго мне казалось – я вижу сон. Затем по мере включения мозга я стал осознавать, что это не так. Мне было ужасно неудобно, а кроме того, очень холодно, поскольку тонкий свитер, который я носил в помещении, плохо защищал от ночного морозца.

Боль паровым молотом стучала в моей голове – бум-бум-бум.

Если бы я мог раскопчегарить свою умственную энергию, я пришел бы в ярость оттого, что оказался таким слабаком. На самом же деле я чувствовал нечто крайне примитивное, вроде тупого терпения и недоумения, затуманившего мозг. Из всех кандидатов на похищение я бы отнес себя к числу самых маловероятных.

Много чего можно сказать об обессиленном мозге в полубессознательном теле. «*Mens blotto in corpore ditto* – в дурном теле дурной дух» – ни с того ни с сего пронеслось у меня в голове, однако мужественная улыбка, увы, так и не достигла моих губ – я лежал полуоткнувшись ртом в какую-то обивку из кожзаменителя, от которой несло псиной. Говорят, что в моменты смертельной опасности многие взрослые мужчины взывают к своим матерям, а затем к своему богу: но у меня с двух лет не было матери, и до семи я верил, что Бог – это тот, кто сбежал с ней и с которым они поселились где-то в другом месте (Бог забрал твою мать, дорогой, потому что он нуждался в ней больше, чем ты). Вот почему Бог никогда меня не привлекал, и так или иначе мой случай не был чреват смертельной опасностью. У меня всего-навсего было сотрясение мозга, довольно сильная боль в некоторых местах и, возможно, ужасное будущее по приезде в некий пункт назначения. Тем временем мы все ехали и ехали. Без каких-либо перемен. Наверное, прошло сто лет, прежде чем машина рывком остановилась. Я чуть не свалился с сиденья. Мой мозг встрепенулся от толчка, а тело лишь болезненно ойкнуло.

¹ Стиль английской мебели, названный в честь королевской четы – Вильгельма III и Марии II.

Две резиновые хари нависли надо мной, вытащили и буквально подняли в дом, одолев несколько ступенек. Один держал меня под мышками, а другой за лодыжки. Мои сто шестьдесят фунтов² не стали для них проблемой.

Внезапный свет внутри был таким ослепительным, что казался вполне весомой – среди прочих – причиной зажмуриться. Я и зажмурился. Паровой молот безостановочно стучал в голове.

Тем временем они бросили меня на бок на паркет. Натертый полиролем – вонючим и отвратительным. Я приоткрыл глаза, дабы убедиться в собственных ощущениях. Да, современный паркет из небольших с особым тщанием уложенных квадратных плашек. Березовый шпон, плашки тонкие. Ничего особенного. Рядом надо мной раздался голос, в котором слышалась еле сдерживаемая ярость:

– *И кто это такой?*

Последовало долгое, ошарашенное молчание, во время которого я бы рассмеялся, если б только мог. Резиномордые приволокли не того, кого следовало. И к чему тогда весь этот мордобой, черт возьми! И никакой гарантии, что они теперь отвезут меня обратно домой.

Щурясь от света, я посмотрел вверх. Говоривший сидел в кожаном, с прямой спинкой кресле, крепко сцепив пальцы на выпирающем животе. Его голос был почти таким же, как у резиновой маски: без особого акцента, но явно принадлежащий не англичанину. Его мягкие туфли в близком соседстве с моей головой были ручной работы и из гонуэзской кожи.

Итальянская модель. Ну и что с того – итальянскую обувь продают от Гонконга до Сан-Франциско.

Одна из резиновых физиономий прочистила горло:

– Это Гриффон.

Кажется, не так уж смешно. Моя фамилия действительно Гриффон. Если их не устраивал я, то они, должно быть, приходили за моим отцом. Но какой в этом смысл? Он, как и я, не имел ничего общего с теми, кого принято похищать.

Мужчина в кресле, с той же едва сдерживаемой яростью, процедил сквозь зубы:

– Это не Гриффон.

– Это он, – робко упорствовала резиновая физиономия.

Мужчина встал с кресла и носком своей элегантной туфли перевернул меня на спину.

– Гриффон – старик, – рявкнул он так, что обе резиновые маски отступили на шаг, как от удара.

– Вы не *говорили*, что он старик.

Второй резиномордый поддержал своего коллегу, проныв в свое оправдание с низкопробным американским акцентом:

– Мы следили за ним весь вечер. Он обошел конюшни, осмотрел лошадей. Каждую. Работники относились к нему как к боссу. Он – тренер. Это Гриффон.

– Помощник Гриффона, – раздался яростный ответ. Мужчина снова сел и яростно вцепился в подлокотники, из последних сил сдерживая свой гнев.

– Вставай, – резко сказал он мне.

Я с трудом поднялся, чуть ли не на колени, но далее было непросто, и я подумал: «С какой стати мне заморачиваться?» – поэтому снова аккуратно лег. Это ничуть не улучшило общий климат.

– Вставай, – рассвирепел он.

Я закрыл глаза.

² Примерно 72,5 кг.

Последовал жесткий удар по моему бедру. Я снова открыл глаза – в тот самый момент, когда резиномордый с американским акцентом занес ногу для еще одного удара. Все, что можно было на данную тему сказать, что обут он был в ботинки, а отнюдь не в туфли.

– Прекрати, – резкий голос остановил ногу на полпути. – Просто посади его на стул.

Американец в резиновой маске взял стул, о котором шла речь, и поставил его в шести футах от кресла. Середина Викторианской эпохи, машинально отметил я. Красное дерево. Вероятно, когда-то у него было плетеное сиденье из тростника, но теперь оно было обито розовым глазурированным ситцем в цветочек. Резиномордые подняли меня и усадили так, что мои связанные запястья оказались за спинкой стула. Прodelав это, они отступили на шаг, оказавшись справа и слева от меня.

С этого возвышения я мог лучше рассмотреть их хозяина, если не всю ситуацию в целом.

– Помощник Гриффона, – повторил он, на сей раз не столь гневно. Он признал ошибку и теперь решал, что делать дальше.

Это не заняло у него много времени.

– Пистолет, – сказал он, и ему дали оружие.

Мужчина этот был лысым и оплывшим, и я догадался, что ему не доставляет удовольствия разглядывать свои старые фотографии. Под пухлыми щеками, тяжелым подбородком, набрякшими веками угадывался вполне элегантный череп, о чем также свидетельствовали надбровные дуги и крепкий четкий клюв носа. У него были все основные признаки красивого мужчины, но выглядел он, в моем представлении, как цезарь, сполна послуживший своим порокам, что и отразилось на нем. Его можно было бы принять за добродушного толстяка, если бы не злая воля, безошибочно читавшаяся во взгляде его прищуренных глаз.

– Глушитель, – ледяным тоном сказал он. Он был раздражен и полон презрения к этим своим идиотам в резиновых масках.

Один из них достал из кармана брюк глушитель, и цезарь начал навинчивать его на ствол. Глушители применяют в делах посерьезней тех, где подчас достаточно и простых стволов. Он собирался устранить промах своих подчиненных.

Мое будущее выглядело все более туманным. Самое время для нескольких хорошо подобранных фраз, особенно если они могут оказаться последними.

– Я не помощник Гриффона, – сказал я цезарю. – Я его сын.

Он закончил навинчивать глушитель и начал поднимать его в направлении моей груди.

– Я сын Гриффона, – повторил я. – И какой смысл во всем этом?

Глушитель остановился на уровне моего сердца.

– Если вы собираетесь убить меня, – сказал я, – скажите хотя бы за что.

Мой голос звучал более или менее нормально. Я надеялся, что не видно, как всего меня прошибло потом.

Прошла целая вечность. Я в упор смотрел на него, он – на меня. Я ждал. Ждал, пока в его мозгу не щелкнут тумблеры, ждал, пока три больших пальца вниз выстроятся в ряд на игровом автомате.

Наконец, ни на миллиметр не опуская пистолет, он спросил:

– Где твой отец?

– В больнице.

Еще одна пауза.

– Сколько он там пробудет?

– Не знаю. Возможно, два или три месяца.

– Он умирает?

– Нет.

– Что с ним такое?

– Он попал в автомобильную аварию. Неделю назад. У него сломана нога.

Очередная пауза. Пистолет все в той же позиции. Никто, заплотшно подумал я, не должен так умирать. Это несправедливо. И все же люди умирали несправедливо. Вероятно, только один из миллиона заслуживает своего конца. Любая смерть, по сути, несправедлива, но в некоторых случаях она особенно несправедлива. Убийство, как мне представлялось, несправедливее всего.

Наконец, гораздо более мягким тоном, он сказал:

– Кто будет тренировать лошадей этим летом, если отец нездоров?

Только многолетний опыт общения с ушлыми торговцами, которые готовы были метать гром и молнии ради своих реальных целей, выдавая их за нечто бросовое, удержал меня от того, чтобы не шагнуть прямо в пропасть. Со вздохом облегчения от столь безобидного вопроса, я чуть было не признался, что этого никто еще не знает. Если бы я сказал ему правду, то, как мне позже стало известно, он бы застрелил меня, потому что его бизнес в Роули-Лодж был завязан исключительно на постоянного тренера. Временные заместители, похищенные по ошибке и не умеющие держать язык за зубами, были слишком опасны.

Поэтому инстинктивно я ответил:

– Я сам буду их тренировать, – хотя намеревался заниматься этим, пока не нашел кого-нибудь еще.

Его вопрос был и в самом деле судьбоносным. Устрашающий черный кружок глушителя опустился, став эллипсом, и вовсе перестал смотреть на меня. Мужчина положил пистолет на свою пухлую ляжку.

Я полной грудью судорожно вдыхал и выдыхал воздух и после схлынувшего напряжения испытывал тошноту. Не то чтобы на горизонте замаячила полная безопасность. Я все еще оставался пленником в незнакомом доме и понятия не имел, по какой причине меня схватили.

Толстяк продолжал наблюдать за мной. Продолжал что-то обдумывать. Я попытался облегчить скованность мышц, избавиться от пульсирующей головной боли и прочих болезненных ощущений, которых прежде, перед лицом большой угрозы, совершенно не чувствовал.

В комнате было холодно. Головорезам, похоже, было вполне комфортно в своих масках и перчатках, а толстяк был обособлен и непроницаем, но мои проблемы холод определенно усугублял. Я задавался вопросом, входила ли угроза простудиться в план психологического воздействия на моего стареющего отца, или это просто совпадение. Комната выглядела необжитой и неуютной.

По сути, это была гостиная среднего класса в небольшом доме среднего класса, построенном, я думаю, в тридцатых годах девятнадцатого века. Мебель была придвинута к стенам с полосатыми кремовыми обоями, чтобы обеспечить толстяку свободу маневра, и представляла собой скучный набор из трех стульев с сиденьями, обтянутыми розовым ситцем, складного стола на высоких ножках, стандартной лампы с абажуром цвета пергамента и серванта, в котором абсолютно ничего не было. На отполированном до блеска березовом паркете не было ковров; в помещении вообще отсутствовали какие-либо украшения, книги, журналы – ничего личного. Тут было голо, как в душе моего отца, только вкус у него был другим.

Комната ни в малейшей степени не соответствовала тому, какой мне пока представлялась персона толстяка.

– Я отпущу тебя, – сказал он, – но на определенных условиях.

Я ждал. Он продолжал неторопливо рассматривать меня.

– Если не будешь в точности следовать моим требованиям, я исключу конюшни твоего отца из бизнеса.

Я почувствовал, как у меня от изумления открылся рот. Я захлопнул его.

– Полагаю, ты сомневаешься, что я могу это сделать. Не сомневайся. Мне доводилось разбираться с заведениями посерьезнее крохотной конторки твоего отца.

Я не выдал никакой реакции на унижительный эпитет «крохотная». Прошли годы с тех пор, как я понял, что реагировать на унижение – значит обороняться, что только на руку оппоненту. В Роули-Лодж, как он, несомненно, знал, находилось восемьдесят пять чистокровных скакунов, чья общая стоимость превышала шесть миллионов фунтов стерлингов.

– Каким образом? – спросил я напрямик.

Он пожал плечами:

– Важнее не то, как бы я это сделал, а то, как помешать мне. И это, в общем, довольно просто.

– Просто вести себя на скачках в соответствии с вашими инструкциями? – нейтрально предположил я. – Просто проигрывать, когда надо?

Приступ дремавшего гнева снова исказил пухлые черты лица, и рука с пистолетом на шесть дюймов поднялась над бедром моего оппонента. Затем, впрочем, оружие вернулось на свое место.

– Я не мелкий мошенник, – мрачно сказал он.

Я же подумал, что он готов оскорбляться даже на невинные замечания и что однажды, если игра затянется, это может сослужить мне неплохую службу.

– Прошу прощения, – сказал я без всякой иронии. – Но эти резиновые маски – не высший класс.

Он раздраженно взглянул на две фигуры, стоявшие за мной:

– Маски – их собственный выбор. Безопаснее, если их нельзя узнать, так им кажется.

«Как разбойники с большой дороги, – подумал я, – в конце концов их повесят».

– Ты можешь распоряжаться своими лошадьми, как хочешь. Ты абсолютно свободен в выборе – за исключением одного момента.

Я промолчал. Он пожал плечами и продолжил:

– Ты наймешь человека, которого я пришлю.

– Нет, – сказал я.

– Да, – вперился он в меня немигающим взглядом. – Ты наймешь этого человека. Иначе я уничтожу конюшню.

– Это безумие, – возразил я. – Бессмыслица.

– Все нет, – сказал он. – Более того, ты никому не скажешь, что тебя заставляют нанимать этого человека. Будешь настаивать, что это твое собственное решение. Кстати, не вздумай жаловаться в полицию по поводу сегодняшнего, да и вообще прочего, что может случиться. Если попытаешься дискредитировать этого человека или выгнать его, весь ваш бизнес будет уничтожен. – Он сделал паузу. – Понял? Если вздумаешь избавиться от этого человека, твой отец вернется из больницы на пепелище.

После короткого напряженного молчания я спросил:

– В каком качестве этот человек должен работать у меня?

– Он будет участвовать в скачках, – прозвучал заготовленный ответ. – Он жокей.

Я почувствовал, как у меня задергалось веко. Толстяк это заметил. На сей раз он действительно задел за живое.

Все было яснее ясного. Ему не понадобится говорить мне, когда скачки должны быть проиграны. Ему достаточно сказать об этом своему человеку.

– Нам не нужен жокей, – сказал я. – У нас уже есть Томми Хойлейк.

– Новый жокей постепенно займет его место.

Томми Хойлейк был вторым жокеем в Великобритании и входил в первую дюжину лучших жокеев мира. Никто не мог занять его место.

– Владельцы не согласятся, – сказал я.

– Ты убедишь их.

– Невозможно.

– От этого зависит будущее вашей конюшни.

Последовала еще одна долгая пауза. Один из резиномордых переминался с ноги на ногу и вздыхал, как от скуки, но толстяк, казалось, никуда не спешил. Возможно, он очень хорошо понимал, что с каждой минутой мне становилось все хуже и я замерзал все сильнее. Я бы попросил его развязать мне руки, если б не был уверен, что он откажет и тем самым запишет себе очко.

Наконец я сказал:

– С вашим жокеем у конюшни все равно нет будущего.

Он пожал плечами:

– Возможно, она немного пострадает, но выживет.

– Это неприемлемо, – сказал я.

Он заморгал. Его рука поводила пистолетом по ляжке, туго обтянутой штаниной.

– Я вижу, ты не совсем осознал положение, – заметил он. – Я сказал: ты уйдешь отсюда только на определенных условиях. – Благодаря бесстрастному тону его безумные слова звучали убедительно. – Условия такие: ты нанимаешь конкретного жокея и ни к кому не обращаешься за помощью, включая полицию. Если ты нарушишь одно из этих условий, конюшня будет уничтожена. Но, – он заговорил медленней и внушительней, – если ты не согласен безоговорочно с этими условиями, свободы тебе не видать.

Я молчал.

– Все понял?

– Да, – вздохнул я.

– Хорошо.

– То есть вы не мелкий мошенник – вроде так прозвучало.

Его ноздри раздулись.

– Я манипулятор.

– И убийца.

– Никогда не убиваю, если жертва на этом не настаивает.

Я уставился на него. Он едва сдерживал смех от собственной шутки, о чем свидетельствовали учатившиеся дыхание и подергивания губ.

«Жертва, – подумал я про себя, – не собирается настаивать на таком финале. Пусть толстяк повеселится».

Я слегка подвигал плечами, пытаясь расслабить их. Он это заметил, но ничего не предположил.

– Кто же тогда, – спросил я, – этот жокей?

Он помедлил с ответом.

– Ему восемнадцать.

– Восемнадцать?

Он кивнул:

– Ты дашь ему хороших лошадей для скачек. В этом дерби³ он примет участие на Архангеле.

Невозможно. Абсолютно исключено. Я посмотрел на пистолет, покоившийся на изделии дорогого портного. Я ничего не сказал. Сказать было нечего.

Когда он снова заговорил, пытаясь скрыть акцент, в его голосе звучало удовлетворение победой:

– Он придет в конюшню завтра. Ты наймешь его. У него пока не так много опыта в скачках. Он наберется его при тебе.

³ Название скачек племенных трехлетних лошадей. Самое известное дерби в конном спорте – это Эпсомское дерби в Великобритании.

Неопытный наездник на Архангеле – абсурд. На самом деле это был такой абсурд, что понадобились похищение и угроза убийства, дабы я поверил в серьезность подобных требований.

– Его зовут Алессандро Ривера, – сказал толстяк.

Подумав немного, он добавил:

– Он мой сын.

Глава 2

Когда я снова очнулся, то обнаружил, что лежу лицом вниз на голом полу в обшитой дубовыми панелями комнате в Роули-Лодж. Слишком много голого паркета повсюду. Не моя ночь.

В памяти постепенно всплывали факты. Мне было муторно, я продрог и плохо соображал, как после наркоза...

Наркоз.

На обратном пути у них хватило любезности не бить меня по голове. Толстяк кивнул американцу с резиновой физиономией, и тот вместо удара дубинкой слегка уколол меня чем-то в предплечье. После этого прошло около четверти часа, когда никто из нас не проронил ни слова, а потом совершенно внезапно я потерял сознание. И ни одного проблеска по дороге домой.

Со стонами и проклятиями я проверил свои конечности. Все было при мне, там, где нужно, и в рабочем состоянии. То есть – более или менее, поскольку, с трудом встав на ноги, я счел за лучшее опуститься в кресло за письменным столом. Опершись на него локтями, я обхватил голову руками и потерял счет времени.

Пасмурный рассвет за окнами окрашивал в серый цвет фланелевый покров неба. Теплый воздух внутри помещения, намертво промерзнув у окон, обрамил их коркой льда. Меня до костей пробирал холод.

В мозговом отсеке тоже был колотун. Я слишком хорошо помнил, что сегодня явится Алессандро Ривера. «Если он пошел комплекцией в отца и слишком тяжел для жокея, – вяло размышлял я, – то дилемма разрешится сама собой и тихо сгинет с горизонта. Однако если это не так, то зачем палить из пушки по воробьям? Почему бы отцу просто не обучить своего сына обычным, нормальным образом? Потому что он сам ненормальный, потому что его сын ненормальный ученик, потому что ни один нормальный ученик не стал бы начинать карьеру с фаворита на дерби».

Я задавался вопросом, как бы сейчас поступил мой отец, если не лежал бы, подвешенный на вытяжение, со сложным переломом большеберцовой и малоберцовой костей. Он наверняка не чувствовал бы себя столь разбитым, как я, потому что он с величайшим достоинством справился бы с этими бандитами. Но тем не менее он столкнулся бы с теми же актуальными вопросами: во-первых, действительно ли толстяк всерьез намеревался уничтожить конюшню, если его сына не возьмут на работу, и, во-вторых, как бы он это сделал.

И вместо ответа на оба вопроса – зияющая пустота.

Я не мог рисковать не своей конюшней. Лошади стоимостью в шесть миллионов фунтов стерлингов мне не принадлежали. Они не были для меня ни источником дохода, ни делом всей моей жизни.

Я не мог переложить на отца решение всех этих проблем; он еще недостаточно окреп, чтобы разбираться в этих за и против.

Теперь я никому не мог передоверить конюшню, поскольку это было бы все равно что вручить человеку гранату с выдернутой чекой.

Мне однако пора было возвращаться к своим собственным делам, опять же я опаздывал с выполнением заказа и вообще был вынужден застрять в конюшне только потому, что толковый помощник моего отца, который вел «роллс-ройс», когда в него врезался грузовик, теперь лежал в коме в той же больнице.

Все это складывалось в довольно серьезную проблему. Но вообще-то, с иронией подумалось мне, проблемы как раз мое дело. Моим бизнесом были проблемы банкротства бизнеса.

В тот момент трудно было придумать что-либо хуже моих перспектив в Роули-Лодж.

Дико дрожа от холода, я кое-как поднялся с кресла и, выбравшись из-за стола, отправился на кухню, чтобы сварить себе кофе. Выпил. Состояние почти не улучшилось.

Я медленно поднялся наверх, в ванную. Соскреб выросшую за ночь щетину и бесстрастно осмотрел корочку из засохшей крови на щеке. Смыл ее. Ссадина, оставленная стволом пистолета, подсохла и уже заживала.

Снаружи, сквозь голые ветки деревьев, были видны огни машин, как обычно с шумом пронсящих по Бери-роуд. Эти водители в своих теплых кабинках на колесах пребывали в совершенно другом мире, – мире, где похищения и вымогательства могли случиться с кем-то другим, только не с ними. Невозможно было себе представить, что я реально оказался в числе этих самых других.

Морщась от боли во всем теле, я посмотрел на свое мутное отражение в зеркале и задался вопросом, как долго я буду занят тем, о чем сказал мне толстяк. Молодые деревца, сгибающиеся в бурю, выживают, превращаясь в дубы.

Да здравствуют дубы.

Я проглотил несколько таблеток аспирина, перестал дрожать, попытался поправить свои съехавшие мозги и с трудом влез в бриджи для верховой езды, сапоги, еще в два пуловера и ветрозащитную куртку. Что бы ни случилось минувшей ночью или что бы ни могло случиться в будущем, внизу все еще оставались те восемьдесят пять особей стоимостью в шесть миллионов фунтов стерлингов, за которыми следовало присматривать.

Они размещались во дворе, в строениях 1870 года, возведенных с размахом и вдохновением и все еще, сто с лишним лет спустя, вполне оправдывавших свое предназначение. Первоначально здесь было два блока, друг против друга, в каждом по три конюшни на десять денников. В дальнем конце блоки соединялись стеной с двойными воротами, за которой находилось большое помещение для хранения кормов и такой же большой сбруйный сарай. Раньше ворота вели в поле, но в начале своей карьеры, окрыленный внезапным успехом, мой отец построил еще две конюшни, которые образовали еще один небольшой закрытый двор на двадцать пять денников. Теперь оттуда открывались еще одни распашные ворота, ведущие в небольшой огороженный паддок.

Четыре последних денника были устроены в конце северного блока, с внешней стороны короткой западной стены, – они выходили на Бери-роуд. Именно в самом дальнем из этих четырех денников и произошла настоящая катастрофа, о которой только что стало известно.

Мое появление в дверях, ведущих из дома прямо во двор, побудило тех, кто собрался у внешних денников, вернуться в главный двор и целеустремленной, хотя и расхристанной кучкой направиться ко мне. Было очевидно, что я не услышу ничего хорошего. Я нервно ждал плохих новостей. Как будто в данное утро мне и без того не хватало проблем.

– Это Мунрок, сэр, – озабоченно сказал один из парней. – Стал брыкаться в стойле и сломал ногу.

– Понятно, – сухо сказал я. – Возвращайтесь к своим лошадям. Уже пора выводить.

– Да, сэр, – прозвучало в ответ, и, то и дело оглядываясь, все неохотно разбрелись по двору к своим подопечным.

– Да пропади все пропадом, – вслух выругался я, но не могу сказать, что это сильно помогло. Мунрока мой отец использовал для верховой езды – это был вышедший на пенсию звездный участник скачек с препятствиями, которого отец почему-то любил. Теперь этот конь был, в общем, наименее ценным обитателем конюшни, но его потеря расстроила бы отца больше, чем любая другая. Все лошади были застрахованы. Однако никто не застрахован от болезненных эмоций.

Я поплелся к стойлу. Пожилой конюх, который следил за жеребцом, стоял в дверях; свет изнутри падал на его углубившиеся от озабоченности морщины, избородившие черепастью

кожу, так что они казались трещинами, расщелинами. Услышав мои шаги, он оглянулся. Расщелины перемещались и менялись местами, как в калейдоскопе.

– Плохо дело, сэр. Он сломал скакательный сустав.

Машинально кивнув, я вошел в денник. Старый конь стоял, привязанный за недоуздок, на своем обычном месте. По первому впечатлению все было как всегда: он повернул ко мне голову и наострил уши, в его влажных черных глазах не было ничего, кроме знакомого любопытства. Пять лет в центре внимания газетных заголовков дали ему свойство, которое, похоже, формируется только у умных, весьма успешных лошадей, – своего рода сознание собственного величия. Он знал о жизни и о скачках больше, чем любой представитель золотой молодежи главного двора. Ему было пятнадцать лет, из которых последние пять он был другом моего отца.

Его задняя, ближняя ко мне нога была в идеальном состоянии. Он опирался на нее всем своим весом. Другую заднюю ногу он слегка поджимал.

Он был потен – на его шее и боках виднелись большие темные пятна, – но в настоящий момент он выглядел достаточно спокойным. Охвостья соломы застряли в его попоне, которая была непривычно пыльной.

Рядом с ним стояла Этти Крейг, главный конюх моего отца, – она поглаживала коня и обращалась к нему со спокойными и убедительными словами. Она посмотрела на меня, и на ее приятном обветренном лице выразилось сожаление.

– Я послала за ветеринаром, мистер Нил.

– Черт бы все это подрал, – сказал я.

Она кивнула:

– Бедняга. В свои лета мог бы вести себя и разумней.

Я сочувственно хмыкнул, войдя, погладил влажную черную морду и как можно внимательнее осмотрел его заднюю ногу, не прикасаясь к ней. Абсолютно никаких сомнений – скакательный сустав поврежден.

Лошади порой катаются на спине по соломе в своих стойлах. Иногда, когда им не хватает места, они разворачиваются поперек стойла и упираются ногами в стенку, а застряв, начинают метаться, чтобы высвободиться. Большинство отделялись ссадинами и растяжениями, но лошадь могла вывихнуть ногу или сломать ее при сильном ударе. Хуже ничего не придумаешь, однако, к счастью, такое случалось редко.

– Он все еще лежал, когда пришел Джордж, чтобы убрать за ним, – сказала Этти. – Он позвал парней, чтобы они помогли оттащить старика в центр стойла. Джордж говорит, что конь с трудом поднялся. И тогда, конечно, все увидели, что он не может ходить.

– Чертовски жаль, – сказал Джордж, кивая в знак согласия.

Я вздохнул:

– Мы ничего не можем сделать, Этти.

– Ничего, мистер Нил.

В часы работы она уважительно называла меня мистером Нилом, хотя в детстве я был для нее просто Нил. «Так лучше для дисциплины во дворе», – сказала она мне однажды, а в вопросах дисциплины я никогда не стал бы ей перечить. Когда мой отец повысил ее до старшего помощника, в Ньюмаркете был настоящий переполох, но, как он объяснил ей свое решение, она была преданной, она была знающей, она ни от кого не потерпит глупостей, она заслужила это уже одним своим старшинством, и, будь она мужчиной, эта должность автоматически досталась бы ей. Поскольку он был справедливым и трезвомыслящим человеком, то решил, что пол не имеет значения. Она стала единственной женщиной – старшим конюхом в Ньюмаркете, где женский пол был, в общем-то, редкостью, и все шесть лет под ее началом конюшня процветала.

Я вспомнил те дни, когда ее родители приходили на конюшню и обвиняли моего отца в том, что он разрушил ее жизнь. Мне было около десяти, когда она впервые появилась во дворе, а ей было девятнадцать, и она получила образование в дорогой частной школе-интернате. Ее родители раз от разу все больше сокрушались, что конюшня лишает дочку шансов на достойное замужество; но Этти никогда не хотела замуж. Если она когда-либо и приобрела сексуальный опыт, то никак это не афишировала, и полагаю, что, скорее всего, этот опыт показался ей неинтересным. Похоже, ей, в общем, нравились мужчины, но она относилась к ним так же, как к своим лошадям: с живым дружелюбием, огромным пониманием и с лишеной сантиментов прохладцей.

После несчастного случая с моим отцом Этти, по сути, полностью взяла на себя ответственность за конюшню. И хотя именно мне была выдана временная лицензия на то, чтобы официально командовать этой крепостью, но и Этти, и я знали, что без нее я пропаду.

Наблюдая, как ее умелые руки спокойно скользят по гнедой шкуре Мунрока, я подумал, что меня толстяк может считать слабаком, но его сына Алессандро ждут в качестве ученика большие проблемы, связанные с мисс Генриеттой Крейг.

– Тебе лучше вывести лошадей, Этти, – сказал я. – Я останусь и подожду ветеринара.

– Хорошо, – сказала она, и я понял, что она сама собиралась это предложить. С точки зрения распределения обязанностей это было разумно, так как лошади уже готовились к предстоящему сезону скачек и она лучше меня знала, что должна делать каждая из них.

Она кивнула Джорджу, чтобы теперь он держал Мунрока за недоуздок и успокаивал, и сказала мне, выходя из стойла:

– Что насчет заморозков? Похоже, все может растаять.

– Отведи лошадей в Уоррен-Хилл – там сама решишь насчет кентера⁴.

Она кивнула:

– Хорошо. – Она оглянулась на Мунрока, и ее рот дрогнул. – Мистер Гриффон будет огорчен.

– Я ему пока не скажу.

– Понятно.

Одарив меня легкой деловитой улыбкой, она направилась во двор, невысокая и ладная фигурка, выносливая и компетентная.

Мунрок и при Джордже сохранил спокойствие. Я последовал за Этти обратно в главный двор и посмотрел, как выводят лошадей: тридцать три из них в первой партии. Парни выводили своих подопечных из денников, прыгали в седла и скакали по двору в первые распашные ворота, затем через нижний двор и дальние ворота – в общий паддок. Быстро светало, и я подумал, что Этти, вероятно, права насчет оттепели.

Минут через десять, распределив лошадей по своему усмотрению, она, миновав деревья и забор, вывела коней из паддока и направила прямо к Пустоши.

Не успели они скрыться, как на подъездной дорожке за моей спиной раздался резкий скрежет – и ветеринар, брызнув из-под колес гравием, остановил свой пыльный «лендровер». С сумкой в руке, он выскочил из машины и сказал, переводя дыхание:

– Этим утром у каждой чертовой лошади на Пустоши или колики, или проблемы с копытами... Вы, должно быть, Нил Гриффон... мое сочувствие вашему отцу. Этти сказала, старикан Мунрок... Он все в том же стойле?

Не останавливаясь, он повернулся и зашагал вдоль денников. Молодой, круглолицый, целеустремленный, он был совсем не тем ветеринаром, которого я ждал. Я знал более старую

⁴ Вид галопа. По возрастанию скорости галоп разделяют на манежный, кентер (полевой укороченный), размашку и резвый (карьер).

версию – его отца, медлительного, такого же упитанного и склонного, пока он что-то обдумывал, часто моргать, потирая подбородок.

– Сожалею, – сказал молодой ветеринар, за какие-то три секунды осмотрев Мунрока. – Боюсь, придется его усыпить.

– Может, скакательный сустав все же цел? – предположил я.

Я цеплялся за соломинку.

Он бросил на меня короткий снисходительный взгляд эксперта, прощающего невежественного дилетанта, и коротко сказал:

– Сустав раздроблен.

Он взялся за дело, и великолепный старый Мунрок тихо улегся на солому. Складывая свои инструменты обратно в сумку, он сказал:

– Не огорчайтесь так. Мало у кого была такая прекрасная жизнь, как у него. И радуйтесь, что это был не Архангел.

Я проводил взглядом его упитанную спину. Не очень-то отличается от своего отца, подумал я. Просто порезвее.

Я поплелся в дом и позвонил в службу, которая увозит мертвых лошадей. Мне бодро ответили, что немедленно приедут. И через полчаса приехали.

Еще одна чашка кофе. Сел за кухонный стол – самочувствие было хуже некуда. Похищение явно не пошло мне на пользу.

Партия лошадей вернулась с Пустоши без Этти, без двухлетнего жеребца по имени Лаки Линдси и с длинным перечнем неприятностей.

Со все возрастающим беспокойством я слушал, как трое парней, перебивая друг друга, рассказывали мне, что Лаки Линдси резко развернулся на Уоррен-Хилл и сбросил малыша Джинджа, а затем поскакал галопом, казалось бы в сторону дома, но вместо этого свернул на Моултон-роуд, сбил велосипедиста и смертельно напугал женщину с детской коляской, а в результате оказался у башни с часами, дезорганизовав уличное движение. «Полиция, – добавил один из парней, скорее с удовольствием, чем с сожалением, – в настоящее время общается с мисс Этти».

– А жеребец? – спросил я. Потому что Этти могла постоять за себя, а Лаки Линдси, стоивший тридцать тысяч гиней, не мог.

– Его поймали на Хай-стрит недалеко от универсама «Вулворт».

Я отослал их к лошадям и подождал, пока вернется Этти, что она не замедлила сделать, верхом на Лаки Линдси, а разжалованный и деморализованный Джиндж плелся позади на тихой трехлетней кобыле.

Этти спрыгнула с гнедого жеребца и опытной рукой провела по его ногам.

– Особо не поранился, – сказала она. – Вроде бы у него там небольшой порез, – думаю, он мог удариться о бампер припаркованной машины.

– А не о велосипед? – спросил я.

Она подняла глаза, а затем выпрямилась:

– Едва ли.

– Велосипедист не пострадал? – спросил я.

– В шоке, – признала она.

– А женщина с коляской?

– Как можно удивляться непривязанным лошадям, если ты с утра пораньше возишь младенцев по Моултон-роуд. Глупая женщина не переставала визжать. Разумеется, это сильно расстроило жеребца. Кто-то поймал его в этот момент, но он вырвался и пустился в город...

Она замолчала и посмотрела на меня.

– Простите за все это.

– Бывает, – сказал я, подавив улыбку от сопоставления жеребцов и младенцев. Что удивляться. Для нее жеребцы и в самом деле были важнее людей.

– Под конец мы перешли на легкий галоп, – сказала Этти. – Земля была нормальная. Мы все делали прямо по плану, который вчера наметили. Джиндж свалился, когда мы повернули к дому.

– Этот жеребец ему не по силам?

– Вот не думала. Он уже ездил на нем раньше.

– Я оставляю жеребца тебе, Этти.

– Тогда, может, на ближайшие дни я подберу парню лошадь полегче.

Она отвела жеребца к конюху, который за ним ухаживал, почти признав тем самым, что допустила ошибку, посадив Джинджа на Лаки Линдси. Любой в любой момент может упасть с лошади. Но некоторые падали чаще других.

Завтрак. Управившись с лошадьми, на которых только что гарцевали, парни поспешили в общежитие к овсянке, бутербродам с беконом и чаю. Я вернулся в дом – есть мне не хотелось.

В помещении все еще было холодно. В каминах десяти покрытых пылью спален – печальные горки еловых шишек, а в гостиной перед камином – декоративный экран. В похожей на пещеру спальне, которой пользовался мой отец, – двухъярусный электрический камин, а в отделанной дубовыми панелями комнате, где по вечерам он сидел за своим столом, – небольшой конвекторный обогреватель. Даже на кухне не было тепла, так как из-за ремонта уже месяц не разжигали огонь в плите. Выросший в этом доме, я обычно не чувствовал, как здесь холодно зимой, но обычно я не был в таком плачевном состоянии, как сейчас.

Из-за кухонной двери выглянула женская голова. Темные гладкие волосы аккуратно собраны на макушке в триумфальную композицию из кудряшек.

– Мистер Нил?

– А... доброе утро, Маргарет.

Теплый взгляд прекрасных темных глаз. Чуть подрагивающие, узкие ноздри, тестирующие атмосферу. Как обычно, дальше ее шеи и половины щеки я ничего не видел, поскольку секретарша моего отца сэкономила не только на своем наличии, но и на всем прочем.

– Здесь холодно, – сказала она.

– Да.

– В офисе теплее.

Полголовы исчезло и больше не появлялось. Я решил принять как разумеющееся это своеобразное приглашение и направился обратно к углу дома, замыкающего двор. В этом углу находились офис конюшни, гардеробная и одна комфортабельно обставленная комната для отдыха, которую мы называли комнатой владельцев, где владельцы и другие посетители при необходимости могли провести время.

В офисе горел свет, яркий по сравнению с серым дневным снаружи. Маргарет снимала свою дубленку, и горячий воздух деловито вырывался из обогревателя в форме гриба.

– Инструкции? – коротко спросила она.

– Я еще не смотрел почту.

Она бросила на меня быстрый оценивающий взгляд:

– Проблемы?

Я рассказал ей о Мунроке и Лаки Линдси. Она внимательно выслушала, не выказав никаких эмоций, и спросила, откуда у меня ссадина на лице.

– В дверь врезался.

Выражение ее лица ясно говорило: «Пой, птичка, пой», – но она промолчала.

Ей, как и Этти, тоже в чем-то не хватало женственности, несмотря на юбку, прическу и эффектный макияж. Ей еще не было сорока, и три года назад она овдовела. Проявляя чудеса

организованности, она растила сына и дочку и, обладая блестящим рассудком, держала мир на расстоянии вытянутой руки от того, что грело ей сердце.

В Роули-Лодж Маргарет появилась недавно, сменив похожего на мышь старого Робинсона, который в семьдесят лет наконец-то со скрипом был вынужден уйти на пенсию. Старому Робинсону нравилось почесать языком, и он тратил часы рабочего времени, рассказывая мне в детстве о тех днях, когда Карл II сам участвовал в скачках и сделал Ньюмаркет второй столицей Англии, так что послам приходилось ездить туда, чтобы повидать его, и как принц-регент навсегда покинул город из-за расследования бегства его жеребца и отказался возвращаться, хотя Жокей-клуб с извинениями умолял его вернуться, и как в 1905 году у короля Эдуарда VII были неприятности с полицией из-за превышения скорости по дороге в Лондон – на прямых участках скорость достигала сорока миль в час.

Маргарет занималась тем же самым, что и старый Робинсон, только делала все тщательней и в два раза быстрее, и за шесть дней нашего общения я понял, почему мой отец считал, что ей нет цены. Она не привносила ничего личного в деловые отношения, а он считал утомительным большинство отношений между людьми. Ни от чего он так не уставал, как от постоянной людской потребности во внимании к своим эмоциям и проблемам. Его раздражала даже традиционная болтовня о погоде. Маргарет оказалась родственной душой, и они прекрасно ладили.

Я опустил в вращающееся офисное кресло моего отца и сказал Маргарет, чтобы она сама просмотрела почту. Мой отец никогда никому не позволял вскрывать письма – это был его пунктик. Она сделала, как я сказал, – ни комментариев, ни эмоций. Что-то восхитительное.

Зазвонил телефон. Маргарет сняла трубку:

– Мистер Бредон? О да. Он будет рад вашему звонку. Одну секунду.

Она протянула мне трубку через стол и сказала:

– Джон Бредон.

– Спасибо.

Я взял трубку без того рвения, которое проявил бы днем раньше. Целых три напряженных дня я пытался найти того, кто был бы готов взять на себя Роули-Лодж, пока мой отец в больнице, и из всех, кого порекомендовали друзья, только Джон Бредон, тренер, недавно вышедший на пенсию, казался подходящим по опыту и статусу. Он попросил дать ему время все обдумать и обещал не медлить с ответом.

И вот он позвонил, чтобы сказать, что будет рад нам помочь. Я поблагодарил его и, испытывая страшную неловкость, извинился, что вынужден отказать ему. «Дело в том, – сказал я, – что, поразмыслив, я решил обойтись своими силами».

Под изумленным взглядом Маргарет я медленно положил трубку. Я не стал ничего объяснять. Она и не спрашивала. Продолжала заниматься почтой.

Телефон зазвонил снова. На сей раз она очень официально спросила, не против ли я поговорить с мистером Расселом Арлетти.

Я молча протянул руку к трубке.

– Нил? – пролаял голос. – Куда ты, черт возьми, пропал? Я обещал Грею и Коксу, что ты вчера с ними встретишься. Они жалуются. Когда ты сможешь там появиться?

Грей и Кокс ждали в Хаддерсфилде, когда «Арлетти инкорпорейтед» выяснит, почему их некогда прибыльный бизнес неуклонно сползает в сточную канаву. А выясняльщик из «Арлетти инкорпорейтед» понуро сидел в офисе конюшни в Ньюмаркете, ничего так не желая, как умереть.

– Тебе придется сказать Грею и Коксу, что я не смогу приехать.

– Ты – что?

– Рассел, пока не рассчитывай на меня. Я должен остаться здесь.

– Господи, почему?

– Я не могу найти себе замену.

– Ты говорил, что на это тебе понадобится не больше недели.

– Ну, не получилось. Здесь нет никого подходящего. Я не могу бросить на произвол судьбы Роули-Лодж и ехать разбираться с Греем и Коксом. Здесь замешаны шесть миллионов. Нравится тебе это или нет, но мне придется остаться.

– Черт возьми, Нил...

– Мне правда жаль.

– Грей и Кокс будут в бешенстве.

Рассел и сам был вне себя.

– Займись этим сам. Там ничего сложного. Неправильное ценообразование. Они занижают стоимость продукта на этапе планирования. Никудышная выручка. Они говорят, что у них нет активов, так что на девяносто гребанных процентов это дурацкая финансовая политика.

Он вздохнул:

– У меня нет твоего таланта. Заметь, есть другие, получше. Но такого, как у тебя, нет. – Он помолчал в задумчивости. – Придется послать Джеймса, когда он вернется из Шорхэма. Если ты всерьез.

– Лучше не рассчитывай на меня. По крайней мере – три месяца.

– Нил!

– Точнее – до окончания дерби...

– Переломы не лечат так долго, – возразил он.

– Этот перелом совершенно жуткий. Кости раздроблены, торчали наружу – ситуация была критической. Вопрос стоял, ампутировать или нет.

– О черт.

– Я тебе позвоню, – сказал я. – Как только почувствую, что свободен.

Он отключился, а я все сидел с трубкой в руке, уставившись в пространство. Затем медленно опустил ее.

Маргарет так и не шелохнулась, ее глаза были старательно опущены, рот не выражал никаких эмоций. Она вообще никак не реагировала на мое вранье.

Это только начало, подумал я, а сколько еще придется врать.

Глава 3

Ничего хорошего в тот день так и не произошло.

Я выехал со второй партией лошадей на Пустошь и обнаружил, что есть слабые места, о которых я не имел представления. Этти спросила, не болит ли у меня зуб. «Похоже на то», – сказала она.

Я уверен, что мои зубы в полном порядке – и как насчет того, чтобы погалопировать. Лошадей пустили легким галопом, проверили, оценили, повторили, обсудили результаты. «Архангел, – сказала Этти, – будет готов к призам».

Когда я сказал ей, что собираюсь остаться сам в качестве временного тренера, она, похоже, испугалась.

– Но ты не *сможешь*.

– Спасибо за комплимент, Этти.

– Ну, я имею в виду... ты не знаешь лошадей. – Она остановилась и продолжила: – Ты почти никогда не ходишь на скачки. Тебя это никогда не интересовало, с детства. Ты плохо разбираешься в этом.

– Я справлюсь, – сказал я, – с твоей помощью.

Но ее это мало убедило, потому что она не была тщеславной и никогда не переоценивала собственные возможности. Она знала, что молодец. Но также знала, что в тренировках много такого, с чем ей не справиться на должном уровне. Такое критическое отношение к своему потенциалу было редкостью в «спорте королей», почти никто не был готов признать свои несовершенства. На трибунах всегда тысячи тех, кто знает все лучше.

– Кто будет делать заявки на участие в скачках? – сухо спросила она. По ее голосу было совершенно ясно, что я для этого не гожусь.

– Отец сам сможет делать, когда ему полегчает. У него будет много времени.

На это она кивнула с большим удовлетворением. Составление заявок на участие лошадей в подходящих для них скачках было важнейшим искусством в деле их обучения. Успех и престиж конюшни начинались с заполнения заявки на участие, где для каждой конкретной лошади определялась подходящая цель, которой полагалось быть не слишком высокой и не слишком низкой, а чтобы в самый раз. Успехи моего отца в основном базировались на том, как он решал, где и когда должна участвовать в скачках каждая лошадь.

Вокруг гарцевали двухлетние жеребцы. Один из них взбрыкнул и попал копытом в колено другого. Никто не успел вовремя среагировать, и второй жеребец захромал. Этти с каменным выражением лица отчитала обоих всадников, велела второму спешиться и отвести своего подопечного домой.

Парень шел в конце цепочки, а голова его жеребца опускалась при каждом шаге раненой ногой. Теперь колено распухнет, наполнится жидкостью и станет горячим, но, если повезет, через несколько дней все само собой пройдет. А если нет, то кому-то придется поставить в известность владельца. И этим кем-то буду я.

Короче, за одно утро три лошади: одна мертвая и две пострадавшие. Если так и дальше пойдет, то скоро толстяку не придется беспокоиться по поводу конюшни.

Когда мы вернулись, на подъездной дорожке стоял маленький полицейский автомобиль, а большой полицейский сидел в офисе в моем кресле и рассматривал свои ботинки. При моем появлении он решительно поднялся:

– Мистер Гриффон?

– Да.

Он без предисловий перешел к делу:

– К нам поступила жалоба, сэр, что сегодня утром одна из ваших лошадей сбила велосипедиста на Моултон-роуд. Также нам пожаловалась молодая женщина, что эта же лошадь подвергла опасности ее жизнь и жизнь ее детей.

Это был сержант в униформе, лет тридцати, крепкого телосложения и бескомпромиссный. Он говорил с агрессивной вежливостью, которая у некоторых полицейских походит на хамство, и я понял, что его симпатии на стороне жалобщиков.

– Сержант, а велосипедист был ранен?

– Я так понимаю, у него ссадины, сэр.

– А что с велосипедом? – спросил я.

– Не могу сказать, сэр.

– На ваш взгляд, не уместно ли в данном случае... э-э... внесудебное урегулирование инцидента?

– Не могу сказать, сэр, – невозмутимо повторил он. Однако на его лице явно читалось негативное отношение, и это не способствовало проявлению сочувствия или понимания. В моей голове всплыла одна из аксиом, которой руководствовался Рассел Арлетти: в деловых вопросах с профсоюзами, прессой или полицией никогда не пытайтесь понравиться им. Это лишь спровоцирует антагонизм. И никогда не шутите: ваши шутки не примут.

Я ответил сержанту таким же невозмутимым взглядом и спросил, есть ли у него имя и адрес велосипедиста. Чуть поколебавшись, он перелистнул пару страниц блокнота и назвал мне. Маргарет записала.

– А молодой женщины?

Он сообщил и это. Затем он спросил, может ли он взять показания у мисс Крейг, и я сказал: «Конечно, сержант» – и вывел его во двор. Этти быстро окинула его взглядом и бесстрастно ответила на его вопросы. Я оставил их и вернулся в офис, чтобы закончить с Маргарет бумажные дела: она предпочитала работать во время обеденного перерыва и уходить в три, чтобы забрать из школы детей.

– Не хватает нескольких бухгалтерских книг, – заметила она.

– Я брал их прошлым вечером, – сказал я. – Они в дубовой комнате – сейчас принесу.

В дубовой комнате было тихо и пусто. Интересно, как бы реагировал сержант, если бы я привел его сюда и сказал, что прошлой ночью двое мужчин в масках оглушили меня, связали и насильно увезли из дома. Кроме того, они угрожали убить меня и накачали анестетиком, перед тем как отвезти обратно.

«Правда, сэр? И вы хотите официально подать заявление?»

Я слегка улыбнулся. Глупость, да и только. Сержант посмотрел бы на меня крайне недоверчиво, и за это я вряд ли стал бы его винить. Только удручающее состояние здоровья да разбитый телефон на столе подтверждали реальность ночных событий.

Толстяку, подумал я, вряд ли нужно было предостерегать меня насчет обращения в полицию. Сержант сделал это за него.

Я возвращал бухгалтерские книги Маргарет, когда в офис, кипя от злости, вошла Этти.

– Вот индюк, болван из болванов...

– И часто такое случается? – спросил я.

– Конечно нет, – уверила меня Этти. – Бывает, конечно, что лошади вырываются, но обычно все обходится без такого переполоха. И я сказала этому старикану на велосипеде, что вы о нем позаботитесь. Непонятно, почему он пошел жаловаться в полицию.

– Сегодня вечером я найду к нему, – сказал я.

– Прежний сержант... сержант Чабб, – напирала Этти, – он бы сам во всем разобрался. Он бы не пошел брать показания. А этот... этот здесь новичок. Его направили сюда из Ипсвича, и, похоже, ему это не нравится. Не удивлюсь, если его только что повысили. Чуть ли не лопаются от собственной важности.

– Нашивки были новыми, – пробормотала Маргарет в знак согласия.

– У нас здесь всегда хорошие отношения с полицией, – мрачно сказала Этти. – Ума не приложу, зачем присылать в город того, кто ни черта не понимает в лошадях.

Всё, весь пар выпустила. Этти сделала носом резкий вдох-выдох, пожала плечами и изобразила легкую смиренную улыбку:

– Ну что ж, бывает и хуже.

У нее были ярко-голубые глаза и светло-каштановые волосы, которые вились в сырую погоду. С возрастом лицо ее огрубело, но осталось гладким, без единой морщины, и, как у большинства женщин с пониженной сексуальностью, в ее облике было много мужского. У нее были тонкие сухие губы и кустистые неухоженные брови, и ее девичья красота сохранилась лишь в моей памяти. Многим, кто наблюдал за ней, Этти казалась грустной и опустошенной, но на деле она была полна жизни и очень деятельна.

В своих бриджах и сапогах, она, стуча каблуками, направилась к выходу и с порога повысила голос на какого-то бедолагу, сделавшего что-то не так.

Если Этти Крейг нужна была Роули-Лодж, то Алессандро Ривера тут был не пришей не пристегни.

Он приехал под вечер того же дня.

Я был во дворе – проводил вечерний осмотр лошадей в стойлах. Мы с Этти дошли до пятого отсека, откуда должны были пройти по дальнему двору, прежде чем снова направиться к дому.

Выйдя из очередного денника, мы наткнулись на одного из наших пятнадцатилетних учеников.

– Там кто-то хочет вас видеть, сэр, – явно волнуясь, сказал он.

– Кто?

– Не знаю, сэр.

– Владелец?

– Не знаю, сэр.

– Где он? – спросил я.

– У подъездной дорожки, сэр.

Я посмотрел поверх его головы. За двором, на гравии, был припаркован большой белый «мерседес», у капота которого стоял шофер в форме.

– Закончи сама, Этти, хорошо? – сказал я.

Я пересек двор и вышел на подъездную дорожку. Шофер скрестил руки на груди и поджал губы, словно демонстрируя, что он против братания. Я остановился в нескольких шагах от него и посмотрел внутрь машины.

Ближайшая ко мне задняя дверца открылась – появилась небольшая ступня в черной туфле, затем колено в темной брючине и, наконец, медленно выпрямляясь, сам их обладатель.

Сразу было ясно, кто он такой, хотя сходство с отцом ограничивалось лишь властным клювом носа и непоколебимым твердокаменным взглядом черных глаз. Сын был немного ниже отца и худощав. У него были жесткие густые черные волосы, вьющиеся пружинками вокруг ушей, а бледному лицу, казалось, не хватало загара. Но главное – на нем лежала печать обескураживающей зрелости, а рот был сжат столь решительно, что ему мог бы позавидовать стальной капкан. Может, гостю и было восемнадцать, но он был далеко не мальчик.

Я подумал, что его голос будет похож на голос его отца: четкий, без акцента и эмоций.

Так оно и оказалось.

– Я Ривера, – представился он. – Алессандро.

– Добрый вечер, – сказал я, стараясь, чтобы это прозвучало вежливо, холодно и равнодушно.

Он заморгал.

– Ривера, – повторил он. – Я Ривера.

– Да, – подтвердил я. – Добрый вечер.

Прищурившись, он внимательно посмотрел на меня. Если он думал, что я буду пресмыкаться перед ним, то его ждало разочарование.

Видимо, что-то такое он уловил, слегка удивился и принял несколько высокомерный вид.

– Я так понимаю, что ты хочешь стать жокеем, – сказал я.

– Намереваюсь.

Я небрежно кивнул:

– Без твердой решимости жокеем стать невозможно, – с ноткой снисхождения заметил я.

Он отреагировал мгновенно, реплика ему явно не понравилась. Ну и отлично. Но подобные уколы – это все, что я мог себе позволить, и на его месте я бы воспринял их просто как свидетельство моей полной капитуляции.

– Я привык добиваться успеха, – заявил он.

– Как это мило, – сухо ответил я.

Это скрепило нашу абсолютную взаимную неприязнь. Я почувствовал, как он переключил передачу на самые большие обороты, – похоже, он собирался помериться со мной силами в схватке, которую, как он считал, его отец уже выиграл.

– Я приступаю немедленно, – сказал он.

– Мне еще половину конюшен надо осмотреть, – невозмутимо сказал я. – Если ты подождешь, пока я закончу, мы обсудим твоё намерение.

Я вежливо наклонил голову – пустая формальность, – и, не дожидаясь, пока он снова бросит в атаку весь свой небольшой вес, я плавно повернулся и неспешно направился обратно к Этти.

Когда мы по порядку обошли все конюшни, кратко обсудив подготовку и перспективы каждой лошади и наметив задания на следующее утро, мы наконец вернулись к четырем внешним стойлам, из которых теперь только три были заняты, а четвертое, где был Мунрок, пустовало.

«Мерседес» все еще стоял на подъездной дорожке, в нем сидели Ривера и шофер. Этти с любопытством посмотрела на них и поинтересовалась, кто это.

– Новый клиент, – ограничился я двумя словами.

Она удивленно наморщила лоб:

– Нехорошо заставлять его ждать!

– Этот, – заверил я ее с одному мне понятной невеселой иронией, – никуда не денется.

Но Этти знала, как обращаться с новыми клиентами, и заставлять их ждать в машине было неприлично. Она торопилась обойти последние три стойла и, не скрывая озабоченности, попросила меня вернуться к «мерседесу». Завтра, без сомнения, она поостынет.

Я открыл заднюю дверь автомобиля и сказал гостю:

– Проходи в офис.

Он вылез из машины и, не говоря ни слова, последовал за мной. Я включил тепловентилятор, сел за стол на место Маргарет и указал Алессандро на вращающееся кресло напротив. Он не стал артачиться, а просто сделал, как я предложил.

– Стало быть, – сказал я с лучшей из своих интонаций, – ты хочешь начать завтра.

– Да.

– В каком качестве?

Он поколебался.

– Как жокей.

– Никак невозможно, – резонно возразил я. – Пока нет никаких скачек. Сезон начнется только через четыре недели.

– Я знаю это, – сухо сказал он.

– Я полагал, ты хочешь поработать в конюшне. Хочешь присматривать за двумя лошадьми, как все остальные?

– Конечно нет.

– Тогда что?

– Буду тренироваться в верховой езде два или три раза в день. Ежедневно. Я не буду убирать стойла и кормить лошадей. Я желаю только ездить верхом.

Разумеется, Эгги и прочие придут от такой перспективы в восторг. В дополнение к прочему, мне в ближайшее время предстоит столкнуться с протестом нашего персонала, или, попросту говоря, – с бунтом. Никто из парней не собирался чистить стойло и ухаживать за лошадью ради счастья увидеть Риверу верхом на ней.

Однако я лишь спросил, какой у него опыт.

– Я умею ездить верхом, – решительно заявил он.

– На скаковых лошадях?

– Я умею ездить верхом.

Это мне ни о чем не говорило. Я попробовал еще раз:

– Ты когда-нибудь участвовал в каких-либо скачках?

– В любительских.

– Где?

– В Италии и в Германии.

– Выиграл что-нибудь?

Он одарил меня мрачным взглядом:

– Две выиграл.

Ну хоть что-то, подумал я. По крайней мере, это допускало, что он останется. В его случае победа сама по себе не имела никакого значения. Его отец мог купить фаворита и навредить сопернику.

– Но теперь ты хочешь стать профессионалом?

– Да.

– Тогда я подам заявку на получение для тебя лицензии.

– Я сам могу подать.

Я покачал головой:

– Тебе нужно получить лицензию стажера, и мне придется подать соответствующую заявку.

– Я не желаю быть стажером.

– Если ты не станешь стажером, ты не сможешь претендовать на весовую скидку, – терпеливо объяснил я. – В Англии на гладких скачках единственный, кто может претендовать на скидку по весу, – это жокей-стажер. Без весовой скидки владельцы лошадей сделают все, чтобы ты не сел на их лошадь. На самом деле, без весовой скидки вся эта затея – просто пустой номер.

– Мой отец... – начал он.

– Твой отец может угрожать хоть до посинения, – перебил я. – Я не могу *заставить* владельцев нанять тебя, я могу лишь убеждать их. Без весовой скидки их никогда не переубедить.

Он обдумал услышанное – причем его лицо ничего не выражало – и сказал:

– Мой отец говорил, что любой может подать заявку на получение лицензии и что стажироваться не обязательно.

– В теории это так.

– А на практике не так...

Это прозвучало скорее как утверждение, а не вопрос. Он ясно понял то, что я сказал.

«Интересно, насколько серьезны его намерения», – подумал я. Вполне возможно, что, прочтя договор о стажерстве и увидев, с чем связался, он просто вернется в свою машину и

уедет. Я порылся в одном из аккуратных ящичков стола Маргарет, вытащил и протянул ему печатную копию соглашения.

– Тебе нужно будет подписать это, – небрежно сказал я.

Не моргнув глазом, он прочел договор и, учитывая содержание последнего, тем самым проявил замечательную выдержку.

Знакомые слова всплыли в сознании: «Стажер обязан искренно и беспрекословно подчиняться Наставнику и неукоснительно выполнять все его законные требования... обязан не прерывать обучения у Наставника и не разглашать никаких профессиональных секретов Наставника... и обязан отдавать Наставнику все заработанные денежные средства и прочие вещи... и обязан во всех остальных делах и вопросах вести себя согласно статусу исполнительного, верного и надежного стажера».

Он положил бланк на стол и посмотрел на меня:

– Я не могу это подписать.

– Твоему отцу тоже придется это подписать, – заметил я.

– Он не подпишет.

– Тогда на этом все, – сказал я, откидываясь на спинку кресла.

Он посмотрел на бланк.

– Адвокаты моего отца составят другое соглашение, – сказал он.

Я пожал плечами:

– Без документа, подтверждающего обучение, ты не получишь лицензию жокея-стажера. Этот документ составлен на основе правил обучения, общих для всех профессий со времен Средневековья. Если ты с отцом их изменишь, он не будет соответствовать требованиям лицензирования.

После напряженной паузы он сказал:

– Этот пункт о передаче всех денег наставнику – означает ли это, что мне придется отдавать вам все, что я смогу заработать на скачках?

В его голосе, как и следовало ожидать, звучало недоверие.

– Это действительно так, – подтвердил я, – но в наши дни принято, чтобы наставник возвращал половину гонорара за скачки стажеру. Разумеется, вдобавок к еженедельному пособию.

– Если я выиграю дерби на Архангеле, вы заберете половину. Половину заработка и половину призовых?

– Все верно.

– Это нечестно!

– Ты сначала выиграй, а потом уж о деньгах беспокойся, – без всяких церемоний сказал я и увидел, как костром полыхнуло его высокомерие.

– На достаточно хорошей лошади я выиграю.

«Это самообман, приятель», – подумал я и промолчал.

Он резко встал, взял бланк и, не сказав больше ни слова, вышел из офиса, покинул дом, двор и уселся в машину. «Мерседес», урча, увез его, а я остался сидеть, откинувшись на спинку кресла Маргарет, с надеждой, что видел его в последний раз. Морщась от постоянных приливов головной боли, я задавался вопросом, не приведет ли меня в норму тройная порция бренди.

Попробовал.

Не помогло.

Утром его не было видно, и по всем показателям день прошел лучше вчерашнего. Колено двухлетки, которого пнули, раздулось, как футбольный мяч, но он довольно уверенно ступал на эту ногу, а порез у Лаки Линдси оказался поверхностным, на что и надеялась Этти. Пожилой велосипедист накануне вечером принял за свои ссадины мои извинения и десять фунтов, и у меня осталось впечатление, что за аналогичную добавку к его пенсии мы можем и впредь, в

любое время дня и ночи, снова сбивать его. Архангел отработал галопом по склону на средней скорости шесть фарлонгов⁵, и ночной сон разгладил во мне некоторые складки.

Но Алессандро Ривера все-таки вернулся.

Он подъехал в «мерседесе» как раз в тот момент, когда мы с Этти закончили вечерний обход последних трех денников, – причем рассчитал время так точно, что я подумал, не следил ли он все это время за нами с Бери-роуд.

Я мотнул головой в сторону офиса, и он последовал за мной. Я включил обогреватель и сел, как и раньше. Он сделал то же.

Он достал из внутреннего кармана договор и протянул его через стол. Я взял его, развернул и взглянул на обратную сторону.

Никаких изменений не произошло. Договор остался в том же точно виде, в каком я его отдал. Однако появилось четыре дополнения, то есть подписи Алессандро Риверы и Энсо Риверы, засвидетельствованные в отведенных для этого местах.

Я посмотрел на уверенный, с нажимом, почерк обоих Ривер и на нервные каракули свидетелей. В подписанном договоре не был заполнен ни один из пробелов – даже не указаны ни время, в течение которого должно было проходить обучение, ни еженедельное пособие, которое следовало выплачивать наставнику.

Он наблюдал за мной. Я встретил холодный взгляд его черных глаз.

– Вы с отцом оставили договор в таком виде, – тихо сказал я, – потому что у вас нет ни малейшего намерения следовать этому документу.

Его лицо не изменилось.

– Думайте, что хотите, – сказал он.

Так я и сделал. И я подумал, что сын не был таким преступником, как его отец. Сын серьезно отнесся к юридическим обязательствам, связанным с договором. В отличие от отца.

⁵ Британская и американская мера длины. Приблизительно 201 м.

Глава 4

Маленькую отдельную палату в больнице Северного Лондона, куда привезли моего отца после аварии, казалось, чуть ли не полностью занимали рамы, веревки, шкивы и грузы, которые украшали его высокую кровать. Помимо всего этого, там было окно с высоким подоконником, мягкими в цветочек занавесками и с видом на кусочек неба, перекрытый задней стеной другого здания, а еще – раковина на уровне груди с кранами-рычагами, чтобы их можно было поворачивать локтями, прикроватная тумбочка, на которой в стакане воды покоились его нижние зубы, и подобие кресла для посетителей.

Ни цветов, сияющих на фоне маргаритового тона стен, и никаких украшающих тумбочку открыток с вдохновенными пожеланиями здоровья. Он не любил цветы и сразу отправил бы все, что пришло, в другие палаты, и вряд ли кто-нибудь рискнул бы послать ему глянцевую открытку с какой-нибудь пафосной или забавной надписью – он считал бы это верхом пошлости.

Палата была слишком скромной по сравнению с тем, что он мог себе позволить, если бы сам выбирал, но мне с первых, критических для него дней эта больница показалась эффективной без особых усилий. В конце концов, как будничным голосом объяснил мне один врач, здесь приходилось постоянно иметь дело с покалеченными пациентами, извлеченными из разбитых машин на трассе А-1. Здесь привыкли к этому. Приспособились. Жертв несчастных случаев сюда поступало больше, чем в обычные больницы.

Он считал, что я был не прав, настояв на отдельной палате для отца, так как ему было бы легче переносить свое состояние в общей палате, где много чего происходит, но я заверил его, что он не знает моего отца. Врач пожал плечами и согласился, но предупредил, что отдельные палаты у них не ахти что. Они и были не ахти что. Из них хотелось как можно скорее унести ноги.

В тот вечер, когда я навестил отца, он спал. Боль, которую он перенес за последнюю неделю, оказала свое разрушительное действие: кожа вокруг глаз потемнела, морщины углубились, лицо приобрело землистый оттенок, и отец выглядел беззащитным, как никогда прежде. Губы, обычно упрямо сжатые, безвольно разомкнулись, и с закрытыми глазами он, казалось, больше не подвергал осуждению подавляющую часть всего происходящего вокруг. Прядь седоватых волос мягко спускалась ему на лоб, придавая всему облику смиренный и дружелюбный вид, что категорически не соответствовало реальности.

Добрый отец не был. Почти все детство я боялся его, а почти всю подростковую пору я его ненавидел, и только в последние несколько лет я начал понимать его. Суровость, с которой он обращался со мной, была, по сути, не отчуждением и неприятием, а отсутствием воображения и неспособностью любить. Он не верил в воспитание поркой, но щедро наказывал другими способами, то лишая меня чего-нибудь, то обрекая на заточение, при этом не понимая, что то, что для него было пустяком, для меня оказывалось пыткой. Быть запертым в спальне на три или четыре дня, возможно, и не попадало под категорию намеренной жестокости, но это заставляло чувствовать себя униженным, полным стыда. Мои попытки не совершать ничего такого, что мой отец мог бы расценить как проступок, были тщетны, и в результате я стал самым забитым ребенком Ньюмаркета.

Он отправил меня в Итон, который на свой лад оказался таким же бездушным, и в день, когда мне исполнилось шестнадцать лет, я сбежал.

Я знал, что он так и не простил меня. Родная тетушка передала мне его яростный комментарий о том, что он научил меня верховой езде и послушанию, а что еще может сделать для своего сына отец?

Он не предпринял никаких усилий, чтобы вернуть меня, и за все годы моей коммерческой деятельности мы ни разу не общались. В конце концов, после четырнадцатилетнего отсут-

ствия, я отправился на скачки в Аскоте, зная, что он будет там, с желанием наконец помириться.

Когда я произнес «мистер Гриффон», он, стоявший в группе людей, обернулся, поднял брови и вопросительно посмотрел на меня. В его холодном взгляде ничего не отразилось. Он не узнал меня.

Скорее повеселев, чем смутившись, я сказал:

– Я твой сын... Я Нил.

Он не проявил никаких эмоций, кроме удивления, и, негласно согласившись, что ожидать чего-то особенного с обеих сторон пока не стоит, он сказал, что в любой день, когда я окажусь в Ньюмаркете, я могу позвонить и повидаться с ним.

С тех пор я заглядывал к нему три или четыре раза в год, иногда чтобы опрокинуть рюмочку, иногда чтобы пообедать, но никогда там не оставался; и в свои тридцать лет я смотрел на него более здраво, чем в пятнадцать. Он по-прежнему пытался меня критиковать и воспитывать, что-то запрещать, но поскольку я больше не зависел от его одобрения и поскольку он больше не мог запереть меня в спальне за непослушание, я находил некое чуть извращенное удовольствие в его обществе.

Когда меня после несчастного случая срочно вызвали в Роули-Лодж, я подумал, что не буду спать на своей прежней кровати, что выберу какую-нибудь другую. Однако на самом деле я спал, где и прежде, потому что комната была приготовлена для меня, во всех остальных мебели была укрыта чехлами от пыли.

Слишком много воспоминаний накатило на меня, когда я увидел ту же самую обстановку и те же пятьдесят раз читанные книги на маленькой книжной полке. Так что по возвращении в родительский дом я постарался как можно циничнее усмехнуться над самим собой и в ту первую ночь долго не мог уснуть, лежа в темной, с закрытой дверью спальне.

Я сел в кресло и почитал номер «Таймс», лежавший на кровати. Его рука, желтоватая, веснушчатая, с толстыми узловатыми венами, бессильно покоилась на простыне, все еще придерживая очки в черной оправе, которые он снял перед сном. Я вспомнил, что, когда мне было семнадцать, я стал носить такую оправу с простыми стеклами, поскольку в очках выглядел солиднее, а я хотел, чтобы мои клиенты воспринимали меня как взрослого и авторитетного человека. Не знаю, сыграла ли тут какую-то роль оправка, но бизнес мой процветал.

Отец пошевелился и тяжело вздохнул, расслабленная рука конвульсивно сжалась в кулак, да так сильно, что могла бы раздавить линзы очков.

Я встал. Его лицо исказилось от боли, на лбу выступили капельки пота, но он почувствовал, что в комнате кто-то есть, и как ни в чем не бывало широко открыл глаза:

– А, это ты.

– Я позову медсестру, – сказал я.

– Нет. Через минуту станет лучше.

Но я все равно пошел за медсестрой, и она, посмотрев на часы, вверх ногами приколотые к халату на ее груди, заметила, что ему уже почти пора принимать таблетки.

После того как он проглотил лекарство и ему полегчало, я заметил, что за то короткое время, пока меня не было в палате, он успел вставить нижнюю челюсть. Стакан на тумбочке стоял пустой. Такой он, мой отец, – чувство собственного достоинства для него превыше всего.

– Ты нашел кому передать руководство? – спросил он.

– Давай я тебе подушки положу поудобней? – предложил я.

– Оставь, не трогай их, – отрезал он. – Ты нашел кого-нибудь, кто возьмет на себя конюшню?

Я знал, что он не отвяжется, пока я не дам ему прямой ответ.

– Нет, – сказал я. – В этом нет необходимости.

– Что ты имеешь в виду?

– Я решил сам остаться.

Он открыл рот, точно как Этти, а затем решительно закрыл.

– Ты не справишься. Ты ни черта в этом не смыслишь. Тебе не выиграть ни одной гонки.

– Лошади что надо, Этти что надо, а ты можешь прямо здесь готовить заявки.

– Ты не возьмешь на себя руководство. Ты найдешь кого-нибудь толкового, кого я одобрю. Лошади слишком ценны, чтобы ими занимались дилетанты. Ты будешь делать, что я скажу. Слышишь? Будешь делать, что я скажу.

Обезболивающие таблетки начали действовать на его глаза, если еще не на язык.

– Лошадям от меня никакого вреда не будет, – сказал я, подумав о Мунроке, Лаки Линдси и двухлетнем жеребце, которого пнули в колено, и мне ничего так не захотелось, как немедленно передать Бредону все это хозяйство.

– То, что ты продаешь антиквариат, – не без ехидства сказал он, – совершенно не означает, что ты можешь управлять конюшной скакунов. Ты переоцениваешь себя.

– Я больше не продаю антиквариат, – спокойно заметил я. Он и сам прекрасно это знал.

– Принципы другие, – сказал он.

– Принципы в любом бизнесе одни и те же.

– Чуть собачья.

– Надо лишь правильно рассчитать затраты и предоставлять клиенту то, что он хочет.

– И в голову не приходит, как ты предоставишь им победителей, – презрительно бросил он.

– Что ж, – сказал я сдержанно, – почему бы и нет.

– Да неужели? – едко спросил он. – И вправду сможешь?

– Смогу, если ты будешь меня консультировать.

Подыскивая адекватный ответ, он долго молчал, уставившись на меня. Зрачки его серых глаз сузились до точек. Мышцы, поддерживающие нижнюю челюсть, ослабли.

– Ты должен кого-нибудь найти, – сказал он уже заплетающимся языком. Я уклончиво мотнул головой, обозначив нечто среднее между кивком и несогласием, и на этом наш спор закончился. Далее он задал лишь несколько вопросов о лошадях. Я рассказал ему, что каждая из них выполняла во время тренировок, и он, казалось, забыл о своих сомнениях в моей компетентности. Когда спустя некоторое время я уходил, он почти засыпал.

Я позвонил в дверь своей собственной квартиры в Хэмпстеде – два длинных и два коротких звонка, и мне тут же три раза пропиликали в ответ, что означало «входи». Так что я вставил ключ в замок и открыл дверь.

В холле из глубины раздался голос Джилли:

– Я в твоей спальне.

– Удобно устроилась, – сказал я себе с улыбкой. Но она красила стены.

– Не ждала тебя сегодня, – сказала она, когда я поцеловал ее. Она отвела руки назад, чтобы не испачкать мою куртку желтой охрой. Ее лоб был отмечен полоской краски, а блестящие каштановые волосы покрылись пылью, и выглядела она приветливо и непринужденно. У тридцатилетней Джилли была фигура, которой позавидовала бы любая модель, и привлекательное лицо умудренного жизнью человека, с умным взглядом серо-зеленых глаз. Она была зрелой и уверенной в себе женщиной, с богатым духовным опытом. В прошлом у нее были распавшийся брак и мертвый ребенок. Она ответила на объявление о сдаче в аренду жилой площади, которое я поместил в «Таймс», и в течение двух с половиной лет она была моей квартиранткой и много кем еще.

– Что ты думаешь об этом цвете? – спросила она. – И у нас будет ковер цвета корицы и зеленые в потрясающую розовую полоску занавески.

– Надеюсь, ты шутишь.

– Это будет выглядеть восхитительно.

– Брр... – сказал я, но она просто рассмеялась.

Когда она начала снимать эту квартиру, здесь были белые стены, полированная мебель и голубые шторы. Джилли сохранила только мебель, и «шератон» и «чиппендейл»⁶ чуть не задыхались в новой обстановке.

– У тебя усталый вид, – сказала она. – Хочешь кофе?

– И бутерброд, если есть хлеб.

Она подумала:

– Во всяком случае, есть хрустящие хлебцы.

Она постоянно сидела на диетах, и ее идея диеты заключалась в том, чтобы не покупать еду. Это приводило к чрезмерному кревоугодию вне дома, что на корню уничтожало ее цель.

Джилли внимательно выслушивала мои проповеди о том, что организму нужен подходящий белок, такой как в яйцах и сыре, а затем радостно продолжала гнуть свое в том же духе. Это заставило меня довольно скоро понять, что она боролась за свои размеры не для победы на конкурсах красоты, а чтобы ее платья с сорокадюймовым объемом бедер были ей впору. Она сбрасывала вес, только когда платья становились ей тесноваты. Стоило ей захотеть – и у нее получалось. Диета не была ее навязчивой идеей.

– Как твой отец? – спросила она, когда я прожевал бутерброд из ржаного хрустящего хлебца с кусочками свежего помидора.

– У него все еще болит.

– Я-то думала, ему смогут помочь.

– Ну, в общем, ему и помогают. И дежурная сестра сказала мне сегодня вечером, что через день или два он пойдет на поправку. Они больше не беспокоятся о его ноге. Рана стала заживать, скоро все должно прийти в норму, и ему станет легче.

– Конечно, в его годы...

– Да, ему шестьдесят семь, – согласился я.

– Кости срастаются не так быстро.

– Хм...

– Полагаю, ты нашел, кто пока будет держать оборону.

– Нет, – сказал я, – я сам там остаюсь.

– О, боже ты мой, – сказала она, – мне бы следовало догадаться.

С набитым ртом я вопросительно посмотрел на нее.

– Принимать вызов – это твой конек.

– Только не в этот раз, – искренне сказал я.

– В конюшне осудят, для отца это будет ударом, а тебя ждет бешеный успех, – подвела она итог.

– Первое и второе – верно, а насчет третьего – мимо.

Она чуть улыбнулась и покачала головой:

– Для вундеркиндов нет ничего невозможного.

Она знала, что я не люблю журналистские штампы, и я знал, что ей нравится их использовать. «Мой любовник – вундеркинд», – сказала она однажды на унылой вечеринке, улучив момент тишины, и мужчины окружили ее стеной.

Она налила мне бокал чудесного «Château Lafite» 1961 года, которое кощунственно пила под что угодно – от икры до тушеных бобов. Когда она сюда переехала, мне показалось, что почти все ее имущество состояло из меховых шуб и ящиков с вином – все это она в одночасье унаследовала от своих родителей, погибших в Марокко во время землетрясения. Она продала

⁶ Стили английской мебели (XVIII в.), названные по именам создателей – Томаса Шератона и Томаса Чиппендейла.

шубы, поскольку считала, что они ее полнят, и принялась постепенно опорожнять содержимое драгоценных закровов, по поводу которых заламывали руки торговцы вином.

– Такое вино – это же *капиталовложение*, – в отчаянии говорил мне один из них.

– Но *кто-то* же должен его пить, – рассудительно парировала Джилли, вытаскивая пробку из второй бутылки «Cheval Blanc 61».

Джилли благодаря своей бабушке была так богата, что ей было приятнее пить супер-пупер-вино, а не продавать его с прибылью, и развивать вкус к «Brand X»⁷. Она была удивлена, что я согласился, пока я не объяснил, что в этой квартире полно дорогущих предметов, так что выгоднее не жить в ней, а на ней зарабатывать, как я зарабатывал на заново отлакированной старине. Поэтому иногда, задрав ноги на обеденный, из орехового дерева испанский стол шестнадцатого века, при виде которого торговцы рыдали, упав на колени, мы пили ее вино из уотерфордских бокалов восемнадцатого века и смеялись над собой, потому что единственный разумный способ жить с какими бы то ни было сокровищами – это получать от них удовольствие.

Однажды Джилли сказала:

– Я не понимаю, что такого особенного в этом столе, разве что он сохранился со времен Великой армады. Только посмотри, как тут все источено жучками... – Она указала на неприглядно изъеденные, поцарапанные и стертые концы лакированных ножек.

– В шестнадцатом веке каменные полы мыли пивом. Оно прекрасно отбеливало камень, но для любых деревяшек от пива вред. А брызг-то не избежать.

– Покоцанные ножки доказывают, что это подлинник?

– Просекла на раз.

Я любил этот стол больше всех других моих вещей, потому что с него началось все мое состояние. Через шесть месяцев после того, как я бросил Итон, на то, что я сэкономил, подметая полы в Сотби, я открыл собственный бизнес, прочесывая с тележкой окраины процветающих провинциальных городков и скупая все, что хоть чего-нибудь стоило. Хлам я продавал в лавки старьевщиков, а то, что получше, – маклерам, и к своим семнадцати годам я уже подумывал о собственном магазине.

Испанский стол я увидел в гараже человека, у которого только что купил комод поздней Викторианской эпохи. Я посмотрел на перекрещенные накладки из кованого железа, скрепляющие прочные квадратные ножки под столешницей толщиной в четыре дюйма, и почувствовал, как в животе запорхали нечестивые бабочки.

Он использовал его как подмости для наклеивания обоев – стол был завален банками с краской.

– Я его тоже куплю, если вы не против, – сказал я.

– Это всего лишь старый рабочий стол.

– Хорошо, сколько бы вы хотели за него?

Он посмотрел на мою тележку, на которую только что помог погрузить комод. Посмотрел на двадцать фунтов, которые я заплатил ему за это, посмотрел на мои потертые джинсы и куртку и ласково сказал:

– Нет, парень, я не могу тебя грабить. И вообще, глянь – у него все ножки внизу прогнили.

– Я мог бы заплатить еще двадцать, – колеблясь, сказал я. – Но это почти все, что я взял с собой.

Его пришлось долго уговаривать, и в конце концов он позволил заплатить ему только пятнадцать. Глядя на меня, он покачал головой, сказав, что мне лучше бы еще немного подучиться, пока я не разорился. Но я почистил стол и заново отполировал прекрасную столеш-

⁷ «Brand X» – музыкальный коллектив из Лондона, исполнявший инструментальную музыку в стиле джаз-фьюжн. Годы активных выступлений с 1975-го по 1980-й.

ницу из орехового дерева, а две недели спустя продал его маклеру, которого знал по работе в Сотби, за двести семьдесят фунтов.

С этой прибыли, увеличившей мои сбережения, я открыл первый магазин и никогда не знал провалов. Когда двенадцать лет спустя я продал свой бизнес американскому синдикату, это уже была сеть из одиннадцати магазинов – все сверкающие, чистые, полные сокровищ.

Вскоре после этого, поддавшись сентиментальному порыву, я отследил испанский стол и выкупил его обратно. А разыскав того самого владельца гаража, я вручил ему двести фунтов, чем чуть не довел его до сердечного приступа. Поэтому я решил: кто-кто, а уж я-то точно имею полное право задира́ть ноги на дорожную столешницу.

– Откуда у тебя эти синяки? – спросила в спальне Джилли, сев в кровати и глядя, как я раздеваюсь.

Прищурившись, я бросил взгляд на россыпь лиловых пятен:

– Сороконожка напала.

Она рассмеялась:

– Ты безнадежен.

– Мне надо будет вернуться в Ньюмаркет к семи утра.

– Тогда не теряй время. Уже полночь.

Я забрался под одеяло рядом с ней, и наша парочка голышом принялась решать кроссворд в «Таймс».

Это всегда было лучшим вариантом. К тому времени как мы выключили свет, нас, оттаявших, уже ничто не разъединяло, и мы повернулись друг к другу, чтобы предаться тому, что было довольно весомой частью наших отношений.

– Я тебя почти люблю, – сказала Джилли. – Хочешь верь, хочешь нет.

– О, я верю, – скромно сказал я. – Тысячи не стали бы верить.

– Перестань кусать меня за ухо, мне это не нравится.

– В книгах говорится, что ухо – эрогенная зона номер один.

– Книжки могут идти куда подальше.

– Прелестно.

– Туда же, куда все эти публикации насчет женского освобождения, типа «Миф о вагинальном оргазме». Чепуха, да и только. Конечно, это не миф.

– Пожалуй, тут не место для публичных слушаний, – сказал я. – Пожалуй, тут место для личной страсти.

– Ну что ж, если ты настаиваешь.

Она устроилась поудобнее в моих объятиях:

– Если хочешь, я тебе кое-что скажу.

– Только если иначе никак.

– Слово на четверку по вертикали – это не галлюцинация, это галлюциноген.

Я вздрогнул:

– Большое спасибо.

– Я подумала, тебе будет интересно.

Я поцеловал ее в шею и положил руку ей на живот.

– Тогда мы получаем Г, а не Ц в двадцатке по горизонтали, – сказала она.

– Стигма?

– Умен, старина.

– Закончили?

– Хм...

Немного погодя она сказала:

– Тебя действительно воротит от зеленых с розовым занавесок? Они такие потрясные.

– Может, ты все же сосредоточишься на происходящем?

Я почувствовал, как она усмехнулась в темноте. Сказала:
– О'кей.
И сосредоточилась.

Она разбудила меня, как будильник, в пять часов. Дело было не столько в шлепке, которым она меня разбудила, сколько в том, куда пришелся этот шлепок. Смеясь, я вынырнул на поверхность.

– Доброе утро, малыш, – сказала она.

Она встала и сварила кофе – хаос каштановых волос, светлое, свежее лицо. По утрам она выглядела изумительно. Она добавила ложку жирных сливок в густой черный кофе и села напротив меня за кухонный стол.

– Кто-то действительно напал на тебя, верно? – как бы между прочим спросила она.

Я намазал маслом кусочек ржаного хрустящего хлебца и потянулся за медом.

– Вроде того.

– Не расскажешь?

– Не могу, – коротко ответил я. – Но когда смогу – расскажу.

– Возможно, умом ты тверд, как тиковое дерево, – сказала она, – но тело у тебя, как у всех, уязвимое.

С полным ртом я удивленно посмотрел на нее. Глядя на меня, она наморщила нос.

– Раньше я считала тебя загадочным и волнующим, – сказала она.

– Спасибо.

– А теперь ты волнуешь не больше, чем пара старых домашних тапочек.

– Ты так любезна, – пробормотал я.

– Раньше я думала, что есть что-то волшебное в том, как ты распутывал дела всех этих полубанкротившихся заведений, а потом сообразила, что это не магия, а просто чистый здравый смысл...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.